

А.Н. Андреев
A.N. Andreyev

**КУЛЬТУРНЫЕ ФУНКЦИИ ФОРМУЛИРОВОК В ЖУРНАЛИСТИКЕ,
ПУБЛИЦИСТИКЕ, ЛИТЕРАТУРЕ И ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ**
**CULTURAL FUNCTIONS OF FORMULATIONS IN JOURNALISM,
PUBLISHING, LITERATURE AND HUMANITIES**

Аннотация:

Что представляет собой словесная формула в сфере гуманитарной? Это суть предмета или феномена, выраженная кратко, точно и выразительно. Умение формулировать высоко ценится в журналистике, публицистике, литературе и гуманитарной науке. При этом если у журналиста, писателя, публициста искусство формулировать является показателем умения фиксировать характерные особенности предмета (явления), то в гуманитарной науке формулировки являются результатом и одновременно инструментом науки, с помощью которого отражается сущность познаваемого феномена. Формулировки — это не культурные ценности как таковые, это способ познания и передачи ценностей. Это форма, а не содержание. Автор полагает, что неумение формулировать является узким местом отечественной гуманитарной науки. Задача «научиться формулировать» ставится не как благое пожелание, а как вопрос выживания нашей цивилизации.

Ключевые слова: журналистика, литература, гуманитарные науки, словесные формулы, образы, патриотизм.

Abstract:

What is a verbal formula in the humanitarian sphere? This is the essence of an object or phenomenon, expressed briefly, accurately and expressively. The ability to formulate is highly valued in journalism, literature and humanities. At the same time, if the art of formulating is an indicator of the ability of a journalist, writer, publicist to fix the characteristic features of a subject (phenomenon), then in the humanities formulations are the result and at the same time a tool of science, with which the essence of the phenomenon being known is reflected. Formulations are not cultural values as such, they are a way of cognition and transmission of values. This is the form, not the content. The author believes that the inability to formulate is a bottleneck of the domestic humanities. The task of «learning to formulate» is set not as a good wish, but as a question of the survival of our civilization.

Keywords: journalism, literature, humanities, verbal formulas, images, patriotism.

Неумение формулировать — это бич нашей русской гуманитарной культуры, ее откровенно слабое место, ее ахиллесова пята, которая выставляется на обозрение нашим противникам (сиречь врагам, вчерашним «партнерам»). Мы, так сказать, сверкаем пятками — сдаем позиции на культурном фронте, возможно, сами того не понимая.

Давайте по порядку. «Уточняйте значения слов — и вы избавите мир от половины заблуждений» (формула Декарта). От второй половины заблуждений избавит, по нашей версии, наука и искусство формулировать, т. е. уточнять значения концептуальных определений.

Что значит формулировать?

Представлять в словесной форме научно обоснованное умозаключение, которое объективно и адекватно отражает сущность познаваемого предмета (явления, процесса). Гарантией объективности выступает возможность проследить логику возникновения формулировки.

Подчеркнем: формулы бывают разными.

Можно придавать образу яркость и хлесткость, это очень хорошее умение для журналиста, способное обеспечить ему признание или даже известность. Пример высказывания журналиста о политике через образ религиозный: «Господь долго терпит, но жатва Его сурова и справедлива» (Юрий Котенок). Или пример высказывания о собственной профессии: «Если высказывание журналиста называют “неэтичным”, можно быть почти уверенным, что оно правдиво» (Екатерина Деготь). Естественно, точность передачи смыслов тут может быть только условной. Не на интеллект воздействуют подобные формулировки, а на эмоции.

Можно художественно описывать свои впечатления, ощущения от контакта с «предметом» — в этом случае формула отражает именно эмоциональную сторону контакта. Например, «увяданья золотом охваченный, я не буду больше молодым» (С.А. Есенин).

В публицистике формулы остроумно и афористично пытаются отразить социально-политические аспекты анализируемого феномена. Например: «Вам нужны великие потрясения — нам нужна великая Россия» (П.А. Столыпин). Или: «У России есть только два союзника — ее армия и флот» (император Александр III).

Научные формулы фиксируют свойства предмета как проявление его сущности, реализуя отношение познания. Например, нравственный императив Канта. *«Поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом»*. В другой формулировке: *«Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице вся-*

кого другого как к цели и никогда — как к средству». Или формулировка сущности свободы по Спинозе: «Свобода есть осознанная (познанная) необходимость».

Это великие формулировки, имеющие в гуманитарной культуре статус законов (императивов).

Если с художественно-поэтической стороной гуманитарной культуры, журналистикой, а также публицистикой у нас все в порядке, то с научной стороной — катастрофа. Создается впечатление, что художественная культура и журнализм в культуре гуманитарной доминируют настолько, что отторгают культуру научную. Умом гуманитарные науки не понять, аршином универсальных формулировок не измерить. У гуманитарных наук, надо полагать, особенная статья. В них следует верить?

Во всяком случае, если вы, анализируя феномены русской культуры, создаете формулировки с высокой степенью обобщения (с высокой степенью абстрактно-логического начала), вы неизбежно превращаетесь едва ли не во врага русской культуры. Почему?

Выразим свое понимание следующей формулой. Потому что наша культура «заточена» на отношение приспособления (на передачу впечатлений), а не на отношение познания. Если иметь в виду формулу Спинозы «не плакать, не смеяться, не ненавидеть, а понимать», то можно сказать, что мы специализируемся на «смехе сквозь невидимые миру слезы» (Н.В. Гоголь) с некоторым оттенком понимания.

Вот почему важнейшие понятия гуманитарной культуры — культура, литература, идеология, культурный код, истина, добро, красота, счастье, свобода, личность и т. д. — нами не познаны, не поняты, не освоены. В результате — не усвоены. Следовательно, мы просто не имеем возможности их «преподавать», доносить до сознания тех, кто стремится познавать. Мы осваиваем культуру преимущественно посредством «плача» или «смеха», посредством сопереживания, но не через объективированное понимание. При этом сами являемся творцами высокой, высочайшей, великой культуры, требующей неординарной рефлексии (великих формулировок!) для усвоения. Пушкин — это наше все (формула Аполлона Григорьева): это так, но это, к сожалению, только половина правды. Вторая половина заключается в следующем: если Пушкин всё, а понимание Пушкина ничто — это почти приговор. Мы так никогда и не пойдем, чем мы в реальности владеем. Мы рискуем остаться в культуре человечества поставщиками художественного «сырья», отлученными от технологий его переработки в культурные ценности. Сливки научных формулировок будут снимать другие — культурные ценности будут создавать другие, если так понятнее. Наша великая литература буквально толкает нас к тому, чтобы мы поняли, что мы «натворили».

Нам необходима целая армия не просто толкователей и интерпретаторов, делящихся своими впечатлениями и ощущениями (это модель «бесконечного тупика» (формула Д.Е. Галковского), и это у нас, увы, отлично получается); нам необходима армия философов, формулирующих, объясняющих нам то, что поняли наши великие писатели, но не смогли сформулировать.

Именно так: надо переводить литературу на научный язык формулировок.

Закон науковедения гласит: если ты понимаешь, но не можешь кратко и точно сформулировать суть своего понимания, то ты не понимаешь.

Литература и ремесло журналиста — это всегда половина культурного подвига (или дела — кому как нравится). Вторая половина — наука по поводу литературы. У нас есть все, чтобы быть в культуре всем, т. е. законодателями жизнетворчества, но пока что за нас отдувается Пушкин, мастер художественных и полунаучных формулировок: «любви все возрасты покорны»; «так нас природа сотворила, к противуречию склонна»; «кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей» и т. д.

Как ни парадоксально, расцвет одного гарантирует или почти гарантирует упадок другого. Журналист и ученый должны формулировать принципиально по-разному, но такое количество исследователей тянет к журнализму!

Между прочим, вот вам один из основных наукометрических показателей в гуманитарной сфере: формулировки. Суть работы всегда можно свести к нескольким формулировкам. Что, соответственно, означает: нет научных формулировок — нет научной работы.

И плагиатом следует считать именно присвоение (или креативное перелицовывание) чужих научных формулировок (чужих идей, как иногда говорят). Плагиат чужих текстов — это вообще за гранью научной этики и здравого смысла. Если «претендент» и «исследователь» не в состоянии прокомментировать чужие формулировки, то он представляет собой настолько пустое место, что предмет для обсуждения исчезает. Таким надо в мгновение ока выписывать «волчий билет», отлучающий их от научной культуры.

Какое место занимают формулировки в контексте взаимодействия рациональной и эмоциональной рефлексии?

Умение формулировать — это умение «на пальцах» объяснить невероятную сложность, «распутать» сложнейшую информационную картину, умение свести к простоте колоссальные объемы информации; это умение выделить и зафиксировать причину причин. Вот почему не следует путать искусство формулировать с остроумием афористики:

это разные типы познавательного отношения, что не мешает им иногда пересекаться.

Формулировки — это не культурные ценности как таковые, это способ познания и передачи ценностей. Это форма, а не содержание. В контексте современных информационных реалий — это именно информационная технология. Нет технологии — нет доступа к залежам и золотиносным пластам культуры (Пушкину, Толстому, Достоевскому, Чехову). Следовательно, нет полноценного культурного продукта — Картины мира (системы мировоззренческих ценностей, составляющих основу нашего цивилизационного кода).

Делаем вывод. Чтобы преподавать литературу, мало любить литературу; надо быть вооруженным формулой критериев художественности. Литература как культурная ценность — это объект и результат познания; литература как источник впечатлений и суммы ощущений — это иной, предельно субъективированный объект, где «познание» сводится к спору о вкусах. Губит познание литературы именно любовь к литературе — если любовь к литературе (начало субъективное) подменяет собой познание (начало объективное). Если эмоциональное отношение приспособления подменяет собой рациональное отношение познания. Тот случай, когда дорога в ад вымощена благими намерениями. Кстати, формула «подмена отношений» очень похожа на закон культуры.

Сошлюсь на личный опыт. У нас литературоведение существует не в формате искусства научных формулировок, а в формате искусства трактовать искусство как Бог на душу положит. Несовместимость объективного научного дискурса и субъективного трактовочного настолько велика, что в литературоведении, по сути, отменили методологию за ненадобностью. Можно быть литературоведом, ничего не понимая в методологии, — а раз можно, зачем усложнять себе жизнь? Верую, ибо абсурдно.

Чтобы показать, как формула меняет объект исследования, обратимся к формуле патриотизма.

Что такое патриотизм?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы прибегнем к помощи определений (формул). Мы попытаемся установить смысл термина, последовательно выделяя сущностные признаки, выстраивая тем самым целостно воспринимаемый концепт.

В российской традиции понятие «патриотизм» трактуется как идея служения своему государству, нередко даже ценой человеческой жизни, как идея, имеющая глубокие корни, уходящие в историю Древней Руси. Вот определение Владимира Даля из «Толкового словаря живого великорусского языка» (1861–1868): «Патриот, патриотка, лю-

битель отечества, ревнитель о благе его... Патриотизм — любовь к родине. Патриотический, отечественный, полный любви к отчизне»¹⁸¹.

А вот определение из 17-томного «Словаря современного русского литературного языка» 1959 г.: «Патриот. Человек, любящий свое отечество, преданный своему народу, готовый на жертвы и совершающий подвиги во имя интересов своей родины»¹⁸².

Мы можем добавить или убрать какие-то признаки. Здесь дело не в количестве критериев, а в качестве аналитического отношения. Мы фиксируем то, что лежит на поверхности. То, что видно невооруженным взглядом. То, что очевидно и уже в силу этого верно.

Когда мы говорим, что патриотизм — это любовь, преданность или жертвенность (ряд можно продолжать), мы исходим из того, что патриотизм — это чувство. В таком случае, мы априори фиксируем то, что природа патриотизма носит эмоционально-чувственный, иррациональный характер. Мы утверждаем это, не утверждая, не акцентируя специально этот неочевидный момент. Констатируем это как аксиому, как заранее известное знание. Спектр чувств может быть более или менее масштабным; не ставится под сомнение только одно: это чувство, сложное, многогранное, многоуровневое.

Мы готовы дискутировать о том, что такое патриотизм, но мы не готовы отказаться от убеждения, что это чувство. Нам это кажется естественным и не требующим доказательств.

Чувство всегда субъективно. Ты любишь не то, что лучше, а то, что тебе больше нравится. Родину, как и мать, не выбирают. Они у нас лучшие не потому, что объективно являются таковыми, а потому, что наши. Логика чувств понятна. С ней согласится всякий, кто разделяет эту логику.

Таким образом, если вы даете определение патриотизма в парадигме чувств, ощущений, то от количества признаков суть (природа) патриотизма не меняется. Чувство патриотизма сопровождается чувством правоты.

Усложним определение: патриотизм — это гордость за нашу культуру, наши достижения, историю, за традиции, унаследованные нами от прошлого. Почему в данном определении наше отношение к Родине резко усложняется?

В патриотизм включается ценностная ориентация, а ценности — это продукт ума, продукт научного отношения, где в цене — объективность. Одно дело любить Родину просто потому, что она твоя,

¹⁸¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка. М., 1863.

¹⁸² *Словарь современного русского литературного языка.* В 17 т. Т. 9. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959.

и совсем другое — потому, что она дала миру то, что сделало этот мир лучше, любить «за что-то». Любить с пониманием.

Иными словами, патриотизм превращается в эмоционально-рациональное отношение: превращается в умное, просвещенное чувство, где начало эмоционально-психологическое, тем не менее, управляет началом рациональным (хотя кажется, что наоборот).

Можно пойти еще дальше. Патриотизм — это деятельное стремление создавать для своей Родины такие условия, которые позволяют твоей стране жить по высшим мировым культурным и социальным стандартам.

Понятие «Родина» становится величиной культурной. Патриотизм вообще превращается в мировоззренческую программу, где миропонимание явно доминирует над мироощущением, где начало объективное дает содержание субъективному. Чувство любви к Родине перестает быть решающим признаком патриотизма. Более того, чувство любви к Родине и деятельность на основе определенных ценностей разводятся.

Можно любить Родину и при этом, вопреки своему чувству, быть ее злейшим врагом, если судить по деятельности, а не по благим чувствам-намерениям. Посмотрите на патриотов фашистской Германии, и вы все поймете.

А можно любить — и быть истинным патриотом. Любовь к Родине патриотизму не помеха.

Если вы хотите совместить патриотизм как любовь к Родине и патриотизм как культурно-философское начало, натуру и культуру, психическое и сознательное отношения, то вам придется синтезировать еще большие пласты информации. Например.

Патриотизм — это любовь к Родине, которая проявляется в деятельном стремлении создавать для нее условия, позволяющие твоей Родине жить по высшим мировым культурным и социальным стандартам, в том числе стандартам социальной справедливости¹⁸³.

Перед нами определение, которое является не набором более-менее очевидных признаков, а концептом, который реализуется через подбор ценностно выстроенных признаков. Справедливость, например, становится оборотной стороной патриотизма. Ценностная иерархия (вертикаль) — вот что становится решающим для научно ориентированного определения. Такое определение патриотизма зависит

¹⁸³ Андреев А.Н. Зачем нужны умные люди? Антропология счастья в эпоху перемен. М.: «АСТ», 2022. 692 с. (Психология. Высший курс).

от набора больших данных, в контексте которых вы создаете определение. Оно само является феноменом больших данных, концептуально организованных.

Не надо быть пророком, чтобы предсказать: патриоты, исповедующие определения первого, эмоционального, типа, не примут позицию тех, кто придерживается рационально-культурной трактовки патриотизма. Их чувство Родины будет оскорблено пониманием патриотизма, которое легко при желании посчитать «заумью высоколобых». Понимать там, где понимание неуместно, значит, мудрствовать лукаво. Посягнуть умом на хрупкое, невыразимое чувство — значит посягнуть на святое.

Перед нами конфликт формулировок: эмоциональных (за которыми стоит отношение приспособления) и рациональных (за которыми стоит отношение познания). И это конфликт не добрых и злых, плохих и хороших, красных и белых, а конфликт умеющих мыслить и тех, кому кажется, что они способны мыслить.

Это конфликт разных уровней мышления. Конфликт интеллекта (умственной глупости) и ума-разума.

Вот почему взгляды единомышленников, взгляды патриотов на патриотизм (или коммунистов на коммунизм, либералов на либерализм и т. д., перечень можно продолжать долго) — потенциально конфликтны. Они говорят об одном идеале, но трактуют его по-разному: каждый судит в меру своей информационной искусности.

Единомышленники говорят на разных языках!

Отсюда следует: скажи мне, как ты понимаешь патриотизм, и я скажу, как ты будешь воспитывать патриотов.

Способность формулировать, доводить познание до степени формулы (закона) — это особая культурная специализация, для которой у нас нет даже названия (формулы). Мне приходится, следуя логике своей профессии, выступать в роли «формулировщика». И в этом качестве я осознаю себя как «оператор гуманитарных данных», как переводчик с языка художественно-бессознательного (или публицистического) на язык научного сознания. Я расшифровываю образы с помощью формулировок, т. е. выступаю именно как «формулировщик».

Это, конечно, идеологическая специализация, если под идеологией понимать — даем формулировку — *учение о вере в идеи* (истинные или ложные), которые, обращаясь к каждому персонально, способны объединить общество, становясь при этом силой, предназначенной для изменения реального мира.

Качественную мировоззренческую Картину мира с помощью образов создать невозможно. Здесь нужен принципиальный отказ

от инструментов журнализма, публицизма, художественного слова. Качественный перелом в нашей гуманитарной науке, культуре, идеологии будет связан с резким возрастанием качества научных формулировок — или нашей культуры с нашей цивилизацией не будет вовсе. Мы сами себя отменим. Механизм отмены описан здесь.

Прогресс социальной жизни напрямую зависит от качества формулировок.

Нет прогресса — наступает энтропия. Смерть.

Формулировки существуют не поштучно и даже не в связке: видеть мир как несложную систему — это уровень интеллекта. Ум, в отличие от интеллекта, воспринимает мир в качестве объекта, устроенного как некая нейронная сеть — как целостность; вот почему умные (научные) формулировки существуют в виде непрерывного дискурса. Они связаны между собой, одна вытекает из другой.

Именно научный дискурс — в качестве предмета — можно и нужно преподавать как цикл гуманитарных дисциплин (наук).

Почему одним дано формулировать, а другим нет?

Почему у одних получается, а у других не очень?

Это вопрос интеллектуальной и умственной одаренности.

Расшифровка нашего культурного кода (не будем углубляться в смысл этого понятия) в силу его особой сложности, по меркам человека, требует глубоких, диалектически выверенных формулировок.

Вот почему задача «научиться формулировать» ставится не как благое пожелание, не как актуальная, но вполне академическая культурная задача; в нашем понимании это задача выживания нашей цивилизации. Наука формулирования — это точка пересечения эмоционально-психологических и когнитивных трасс в культуре, то самое звено, прогресс в котором позволит культуре стать мировым лидером.

Формулируйте — и вы научите мир говорить на языке культуры.

Список литературы

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка. М., 1863. [Электронный ресурс]: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_02000000628?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 26.11.2023).

2. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 9. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1959. [Электронный ресурс]: <https://iling.spb.ru/vocabula/bas/pdf/09.pdf> (дата обращения: 26.11.2023).

3. *Андреев А.Н.* Зачем нужны умные люди? Антропология счастья в эпоху перемен. М.: «АСТ», 2022. 692 с. (Психология. Высший курс). [Электронный ресурс]: <https://www.litres.ru/anatolij-andreev/zachem->

nuzhny-umnye-ludi-antropologiya-schastya-v-epohu-p/chitat-onlayn/ (дата обращения: 26.11.2023).

Сведения об авторе

Андреев Анатолий Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского.

Information about the author

Andreyev Anatoly Nikolayevich, PhD, Professor, Professor of the Department of the pedagogy and psychology of the professional education, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management.